

«Золотой глаз» с улыбкой Кеннеди: не стало Владимира Мусаэльяна

Чем запомнился легендарный фотограф

В Москве на 82-м году жизни умер легендарный фотокорреспондент ТАСС, человек-эпоха Владимир Мусаэльян. Он проработал в агентстве 60 лет. Его называли не иначе как Мастером. Его снимки стали фактически историей нашей страны.

Он курировал космическую тематику, работал в Звездном городке, на Байконуре, снимал репортажи на месте приземления экипажей. А потом на протяжении 14 лет был личным фотографом генсека Леонида Брежнева.

В архивах ТАСС лежит более трех тысяч его снимков. А сколько наград и призов!

В 1974 году на международной выставке «Человек и Черное море» он стал обладателем главного приза – машины «Опель». Леонид Ильич пошутил тогда: «Хорошая машина, но четыре колеса мои».

На Всемирной фотовыставке в Гааге в 1978-м Владимир Мусаэльян получил золотую медаль и приз «Золотой глаз». В его копилке были два ордена Трудового Красного Знамени, орден Почета.

Владимир Мусаэльян был другом «МК». Мы подготовили с ним несколько интереснейших материалов. Владимир Гургенович рассказывал, как недалеко от Джекказгана в пургу, шагая по тонкому льду, он быстрее поисковой группы пробрался к приземлившемуся спускаемому аппарату автоматической станции

«Луна-20», и снимки вовремя были переданы для завтрашних газет.

Вместе с космонавтами, которые проходили предполетную подготовку, он залезал в барокамеру. Космонавта пристегивали фалом, а Мусаэльян продолжал фотографировать в разреженном воздухе... У Владимира Гургеновича было много друзей среди космонавтов. Он встречал и провожал их с камерой в руках.

В 28 лет он ворвался в элиту политического фоторепортажа. Его «пристегнули» к Генеральному секретарю. Почти 14 лет он был тенью Леонида Брежнева. Те, кто встречал советскую правительственную делегацию, первым на трапе самолета видели не генсека, а его личного фотографа. Владимир Гургенович сбегал с трапа, чтобы занять лучшую позицию для съемки.

Он был рядом с Леонидом Ильичом во всех турне, на официальных встречах, в загородных резиденциях, на семейных торжествах. Отмечал: «Снимать вождей – тяжелый крест». Но неизменно добавлял: «Это была каторжная служба, но счастливая». Благодаря Владимиру Мусаэльяну мир увидел Брежнева не только «застегнутым на все пуговицы», но и «земным»: на даче с членами семьи, в майке и подтяжках на яхте, с ружьем на охоте...

Для близких генсека Мусаэльян был Вовушкой. Леонид Ильич ценил во Владимире Гургеновиче преданность делу, отмечал его неотразимую улыбку, говорил: «Она у тебя, Володя, как у Джона Кеннеди».

Генсек и его близкие доверяли Владимиру Мусаэльяну. И он до конца оказался предан Леониду Ильичу. У фотокора скопилось несколько чемоданов негативов, огромный архив. За эксклюзивные снимки советских вождей ему предлагали баснословные деньги. Но он отказался продать их, сказав: «Я совестью не торгую». Не уступил архив американцам, даже когда ему потребовалось сделать срочную операцию на сердце. Был готов самолет, которым его предлагали доставить в США. Но архив остался на родине. Операцию шунтирования Владимиру Мусаэльяну в итоге сделал замечательный кардиохирург Юрий Белов.

Все, кто знал Владимира Мусаэльяна, отмечали его порядочность, доброту, жизнелюбие. Несмотря на известность, в нем не было ни снобизма, ни излишней гордости. Он был очень добрым по натуре человеком, очень отзывчивым, всегда готов был всем помочь.

Владимир Мусаэльян все время был в центре Истории. Останавливал мгновения. Дрейфовал на льдине у Северного полюса. На себе испытал, что такое плюс 48 в тени, когда снимал пограничников в Кушке. Дважды пересекал экватор... Оглядываясь на прожитые годы, любил вспоминать слова Самуила Маршака: «Так благодарен судьбе – я успел обнять весь мир».

Светлана Самоделова